

Вспоминая блокадные дни...

**Гнедич
Юлия Витальевна**

«Мама уходила за хлебом, а я со страхом ждала её возвращения. Ведь она была слаба от голода, а надо было идти в холод, часами стоять в очереди. Я подкладывала маленькие лучинки в буржуйку, чтобы огонь не погас, и мама могла, вернувшись, хоть немного отогреться. Как я радовалась, когда она, наконец, возвращалась. Мы делили те крохи хлеба, что она приносила. Так хотелось съесть всё сразу. Но мы откладывали хлебушек на потом. А я слюнявила пальчик и собирала крошки со стола...

Папа служил в Кронштадте. Он сильно обгорел, когда их корабль в бою загорелся, и оказался в ленинградском госпитале. Немного поправившись, он иногда приходил к нам. Помню, как я испугалась, увидев в своём дворе дядю, с забинтованным лицом, был виден только один глаз.

Никогда не забуду вкус той гречневой каши, что папа доставал из кармана бушлата. В конце апреля 1942 года нас, детей, эвакуировали из Ленинграда по Ладоге. Ехали мы, стоя в кузове машины. Под нами лёд и вода, сверху висели вражеские самолёты. Нам повезло, доехали до берега, но не все остались живы...

Мы, дети блокадного Ленинграда, никогда не забудем те ужасы, что довелось нам пережить. Это было страшно. До сих пор в ушах стоит гул немецких самолётов, и голос из репродуктора: «Воздушная тревога!».

**Бегаева
Зоя Ивановна**

«Мы тогда, в июне 1941 года жили у бабушки в Парголово. Однажды прибежали подружки с известием, что немцы бомбят Бадаевские склады. Три километра до горы Парнас в Шуваловском парке мы пробежали на одном дыхании. Море огня разливалось над складами, чёрный дым закрывал солнце. Даже мы, дети, поняли, что нас всех ждёт беда. Уже на следующий день ввели продуктовые карточки, и люди из города потянулись в пригороды, надеясь там, на земле, не умереть с голоду.

Совсем скоро я осталась совсем одна, младшую сестричку успели с детсадом эвакуировать в Сибирь, мама, бабушка и брат умерли... Папу, он жил уже с другой семьёй, забрали на фронт, и я перебралась к его новой жене на 8-ю линию Васильевского острова. Там и в школу пошла. Наша школа №33 работала и в блокаду.

Весной 1943 года нас, школьников, отправили на сельхозработы в колхоз «Каменка». Наверное, именно поэтому мы и выжили. Колхоз в обед кормил нас борщом и кашей, даже чай был сладкий. Попробуй сейчас за один присест съесть четыреста грамм хлеба, не осилишь, а мы съедали. И работали на совесть, понимая, что выращенные нами овощи и картошка спасут от голодной смерти сотни таких же детей, как и мы. Всего двое школьников тогда были награждены только что появившейся медалью «За оборону Ленинграда». Я была одной из них».

**Васильева
Ирина Анатольевна**

«Жили мы с тётей недалеко от Бабушкина сада. Дощатая ограда сада быстро сгорела в буржуйках ленинградцев зимой 1941 года. За водой, пока были силы, ходили на Неву. Тётя с ведром, а я с маленьким бидончиком. А потом просто растапливали снег на буржуйке, и тётя раз в неделю протирала меня мокрой тряпочкой.

Бомбили нас часто, сначала мы ходили в бомбоубежище, а когда совсем ослабли, прятались в яме, что на такой случай была выкопана во дворе дома. Помню машины, которые развозили хлеб по городу. Люди уже не могли дойти до магазина, и хлеб привозили к домам.

Однажды зачем-то пошли с тётей на Невский проспект. Уже были у дома, где и сегодня висит табличка, с указанием, что в случае обстрела нужно держаться левой стороны. Когда раздался сигнал воздушной тревоги, какой-то военный стал загонять нас в подвал этого дома. Тётя не пошла,

сказала, что не хочет умереть под обломками. Она как чувствовала беду. Мы перешли на другую сторону улицы и спрятались под аркой дома. Бомба попала в тот дом... Только через неделю военные разобрали завалы.

Однажды у нас украли карточки. Это была верная смерть. Но тётя сходила куда-то, попросила спасти хоть ребёнка, и ей сказали готовиться к эвакуации. На машине нас привезли к Ладоге, посадили на катер. Но налетели самолёты, стали бомбить уже отошедшие от берега катера. Нас снова высадили на берег. Помню, я стою и реву, а какой-то матрос схватил меня за пальто и забросил в кузов машины — тётя уже была там. Так мы и выживали в городе до самого освобождения. Нам повезло, выжили...».

**Сердюченко
Антонина
Александровна**

«В посёлке Коммунар почти не осталось людей, многих на машинах уже вывезли в Ленинград, а затем и дальше в глубь страны. Я оставалась в посёлке. На фабрике были организованы курсы медсестёр под руководством Михаила Илларионовича Чекисова, я тоже занималась на курсах. Фронт приближался, занятия пришлось прекратить.

Я отправилась в Ленинград, своих родных нашла в школе на улице Некрасова. Впервые со страхом смерти я столкнулась в конце августа, когда было решено нас эвакуировать из Ленинграда. На Московском вокзале нас загрузили в вагоны, где нам и пришлось провести не одни сутки.

8 сентября немцы бомбили Бадаевские склады. Небо стало чёрным от немецких самолётов, так их было много. Летели бомбы и зажигалки и на нас. Мы стояли на крышах вагонов и сбрасывали зажигалки на землю. Это было очень страшно. Наконец наш эшелон тронулся в путь, но оказалось, что дорога в глубь страны уже перерезана немцами, и нас высадили в Лисьем носу. Поселили людей на летних дачах местных жителей.

Холод и голод первой блокадной зимы стоили жизни многим коммунаровцам. Помню, как в совсем уж голодное время Лукин П.И. привёз нам с фронта убитую лошадь. Дядя Саша Горин разрубил тушу, и разделил между земляками. Не одну жизнь это мясо тогда спасло.

Там, в Лисьем носу, мы похоронили любимую бабушку. Я плакала, хотя тогда никто уже не плакал. Люди привыкли к потерям.

В апреле 1942 года нас привезли в Осиновец, на Дорогу жизни. Погрузили на машины и через уже вскрывавшуюся Ладогу привезли в Кабону. Поезд для эвакуации ждали сутками, грелись у костров. Наконец, вагоны подали, брали их штурмом. Внутрь попадали те, кто был помоложе,

и те, у кого ещё были силы. Мне повезло, и я уехала в битком набитом вагоне неведомо куда...».

**Трофимова
Зинаида Ивановна**

«Посёлок Токсово. В большом сенном сарае, отгородившись перегородками из простыней, ютится 40 семей. Уже декабрь 1941 года, я исхудала так, что видны все рёбра. Пошла искать медицинское начальство, ведь перед войной я окончила медицинское училище. Нашла, дали мне направление в медпункт при леспромхозе в посёлке Лисий нос.

Дрова в ту зиму решали, жить или не жить Ленинграду.

Поэтому все предприятия отправляли людей на заготовку дров. Бригады работали вахтовым методом, но никто не хотел возвращаться назад. Здесь хоть как-то, но кормили лесорубов. В соседнем колхозе вскрыли силосные ямы. Силос промывали и готовили из него борщ. Вот такого борща и налили

мне полную миску в столовой в первый мой рабочий день. Только тогда я поверила, что от голода я не умру.

Люди работали из последних сил, болели часто. Положить в больницу совсем уж слабых рабочих возможности не было. Даже областная больница почти вся была отдана под госпиталь.

Часто ходила пешком в город, нужно было получать на предприятиях продуктовые карточки на их рабочих, командированных на заготовку дров. Это ужас, что творилось в городе в первую блокадную зиму...».

**Боброва
Галина Михайловна**

«Город стал серым и мрачным. Редкие прохожие цепляли на одежду фосфорные бляшки, чтобы в темноте не столкнулись. Ведь если упадёшь, уже не встать, замёрзнешь. Вместе с морозами в город пришёл голод. Нас бомбили и обстреливали по несколько раз в день.

Жили мы в доме на углу улиц Скороходовская и Льва Толстого. Папа работал на одном из заводов, а мама на ткацкой фабрике. Мы, я и сестра, только что перешли в четвёртый и пятый классы.

В нашем доме, раньше здесь находилась казарма Гренадёрского полка, подвала не было. Поэтому все жители в случае тревоги собирались в одной из квартир первого этажа. Однажды бомба упала и на наш дом, туда, где находилась кухня. К счастью, мы находились в другой стороне дома. Это была страшная ночь. Горела ткацкая фабрика «1 мая», бомбы рвались у зоопарка. Весь район был освещён пожарами.

Однажды папа не вернулся с работы, и только через неделю мы узнали, что его подобрали на улице и сейчас он в больнице. Ему нужно усиленное питание. С большим трудом на рынке за 600 рублей я купила хлеб, и через весь город ходила к папе в больницу. Уходила рано утром, возвращалась уже ночью. Не спас тот хлеб папу... В начале умерла мама, а через двадцать дней и папа... Мы с сестрой выжили, и салют в честь Победы смотрели с крыши своего дома».

**Кирк
Татьяна
Константиновна**

«Однажды мама взяла меня с собой. Она, стоя в очереди за хлебом, не заметила, как я вышла на улицу из магазина. Мама выбежала на улицу, и увидела, что меня к входу в магазин ведёт женщина. Она стала ругать маму, говорила ей, что такую пухленькую девочку нельзя отпускать одну на улицу. Её могут украсть. Я в детстве и правда была полненькой, но от голода жирок заменился жидкостью, и я всё равно выглядела толстушкой.

Мама рассказывала, что люди смели с полок в магазинах все продукты. Она смогла купить только две бутылки портвейна. И пока в доме был хлеб, мы макали его в портвейн и ели. Так продержались какое-то время. А вскоре даже за снегом во двор мама уже не ходила, она ползала... Пришло время, когда уже не вставали с кровати ни мама, ни бабушка...

Каждый год 27 января я вспоминаю, с каким страхом мы смотрели на первый салют. Кроме радости в душе был страх. Как светло, а вдруг налетят самолеты и бомбы».

Рассказы жителей Коммунара о блокаде подготовил Сергей Богданов

Опубликовано в газете «Комминфо» № 1 (923) 27 января 2021 г